

Гюльназ Лежнева

Тамук

Роман

Ляйсан

Повесть

2024 • Москва

BLACK SHEEP BOOKS

ББК 84-44(2Рос)
УДК 821.161.1
Л40

*Автор книги победила в номинации «Серебряное перо»
IV сезона Литературного конкурса «Белой вороны».*

Лежнева, Гюльназ
Л40 Тамук. Ляйсан / Гюльназ Лежнева. — М.: Black Sheep Books, 2024
256 с.

ISBN 978-5-00114-466-3

© Г. Лежнева, 2024
© Татьяна Кормер, оформление обложки, 2024
© ООО «Издательство Альбус корвус», 2024

Содержание

ТАМУК

Глава 1	То самое место, которое поцеловал Эрлик.....	9
Глава 2	Дорогой птицу за живой водой.....	15
Глава 3	Ходила по ягоды – женихов набрала.....	19
Глава 4	Два лебедя.....	27
Глава 5	Обостренное обоняние.....	31
Глава 6	Подруги и женихи.....	41
Глава 7	Жена должна во всем помогать своему мужу.....	53
Глава 8	Гульстан.....	59
Глава 9	Тамук в кривых зеркалах.....	63
Глава 10	Смерть батии Катилы.....	69
Глава 11	Аждаха.....	75
Глава 12	Уральские горы.....	81
Глава 13	Нардуган.....	89
Глава 14	Лебедь из рода Самфрау.....	99
Глава 15	Пленение батии Азраки.....	115
Глава 16	Ты мой сахар.....	119
Глава 17	Живая вода пахнет мылом.....	127

ЛЯЙСАН

Глава 1	Цветы на осколке.....	149
Глава 2	Шканто-клеевые надежды.....	163
Глава 3	Как отросли твои волосы.....	191
Глава 4	Селтэр.....	213
Глава 5	Стул для мамы.....	221
Глава 6	Фридины сокровища.....	229
Глава 7	Лучше всего уходить в день рождения.....	237

ТАМУК

Роман

Глава 1

То самое место, которое поцеловал Эрлик

Старуха Янбике¹ вглядывалась в небо — солнце опустилось за гору, окрасив брюхо облаков кровью. Там, наверху, что-то сверкало и переливалось в уходящих лучах. Зрение у Янбике было ни к шайтану, а от долгого напряжения ей и вовсе почудилось, будто крылатый змей тащит птицу-лебедь в пасти.

Янбике сплюнула в траву.

— Тьфу ты, щего только не привидится сослепу!

Маленькое белое перышко падало, покачиваясь, кружась, поблескивая и звеня. Янбике хотела поймать, но ветерок перехватил перо и унес к дому. Она снова посмотрела в красное небо, пытаясь разглядеть лебедь, но ничего больше не увидела. Вздохнула и пошла в сарай — доить корову.

Молока не было — маленький бычок высосал почти все.

— Ах, штоб Шайтан² тебя! — погрозила бычку Янбике.

¹ Йәнбикә (Янбикé) — прародительница, душа-госпожа, душа жизни, мать человеческого рода (башк.). — *Здесь и далее — примеч. авт.*

² Шайтáн — в исламском богословии представитель категории злых духов, враждебных Аллаху и людям. Слово «шайтан» синонимично библейскому термину «Сатана».

Выдоила остатки и налила в миску бесей¹.

Когда Янбике, гремя подойником, подошла к дому, сумерки уже опустились на двор. У двери что-то лежало. Вскрикнув от неожиданности, она выронила ведро, потеряла глаза. Так и есть: на крыльце лежал ребенок, завернутый в белую, тонкую как паутина пуховую шаль. Его золотые волосы тихо звенели на ветру...

— Батюшки! Подкинули ребенка! Это все ты, Шайтан² — крикнула Янбике.

Взяла младенца на руки и поспешила к калитке.

— Где же твоя мать? Сейчас-сейчас, мы ее отыщем.

Янбике вышла со двора — пустынная проселочная дорога. Ни души: хоть влево смотри, хоть вправо. Она посмотрела и туда, и туда, а потом в небо: уже показался бледный серп луны. Никого. Янбике постояла растерянно и хотела идти обратно, но взгляд ее упал на ворота. На створке, сколоченной из деревянных досок и выкрашенной голубой краской, проступали золотые лебеди в коронах — словно их вырезал очень скорый на работу мастер. Янбике дождалась, когда лебеди проступят полностью, провела ладонью по изогнутой шее. Короны лебедей вспыхнули на мгновение и погасли. Янбике прижала к себе ребенка.

Дома она развернула подарок — там оказалась прехорошенькая девочка. На груди у нее висел кулон — крылатый лев с тремя лапами. Янбике сняла его и пошла вглубь дома. В полумраке комнаты тускло поблескивали стеклянные дверцы серванта. Внутри лежала старая потемневшая ракушка. К стенкам ее присохла кровь, но она давно не пахла железом и казалась обыкновенной темной краской. Янбике открыла сервант

¹ Бесэй (бесей) — кошка, кот (башк.).

и положила кулон на пыльную полку рядом с ракушкой. Девочка на кухне заплакала, и Янбике вернулась к ней.

— Буду звать тебя Наилей¹, — сообщила она.

Зря Янбике вылила молоко кошке. Пришлось поставить на печь миску со вчерашним — подогреться. Наиля все плакала, и Янбике, покачивая ее, принялась рассказывать:

— Когда-то давным-давно землю, на которой мы теперь живем, окружало море. Ни дивы, ни люди, ни боги не знали об этой земле. А жили здесь Янбирде², его жена и два их сына — Урал и Шультген. Арслан³ их возил на охоту. Сокол бил для них птицу. Щука рыбу ловила...

Наиля притихла. Пока она слушала, Янбике кормила ее теплым молоком с ложечки. Наедаясь, Наиля моргала все медленнее, пока совсем не заснула. Янбике бережно положила свой «подарок» на кровать.

Каждый день, выходя за калитку, Янбике ждала, что встретит там мать Наили. Месяц ждала. Два. Три. Год. Три года.

— Скоро за тобой придет мама, — говорила Янбике Наиле.

— Не придет, а прилетит, — отвечала Наиля.

— Знацит, она птица?

Но Наиля не знала, птица ли она.

¹ Подарок (араб.). У башкир это имя появилось с принятием ислама.

² Йэнбирзе (Янбирде) — *дословно*: душу дал. Прародитель, родоначальник первых людей на Урале, согласно эпосу «Урал-батыр».

³ Лев (тюрк.).

Они прождали еще несколько лет.

— Может быть, когда-нибудь за тобой прилетит твоя мама.

— Прилетит? Она что же, птица, что ли?

И Янбике не знала, есть ли мама у Наили.

Они прождали еще.

— А когда за мной придет мама? — спрашивала Наилия.

— Когда придет, мы сразу же увидим, — вздыхала старая Янбике. — А што ты помнишь про маму?

— Ничего не помню.

— А раньше ты помнила, што она летает.

— Правда? А что я еще помнила?

Янбике разводила руками.

— Больше ты нищего не помнила, а я твою маму ни-
когда не видела.

— Янбике, Янбике! Пульт от телевизора пропал! Вот только что был тут, а теперь его нет!

Янбике как раз вынимала из печи противень с пирожками. Она высыпала румяные пирожки в миску, вытерла руки о передник и подошла к Наиле.

— Где был? Тут? Уверена? Ну, если ты уверена, то надо сказать: «Шайтан-Шайтан, поиграл — и отдай!», а потом идти щай пить с пирожками, а когда вернешься, пульт на месте будет. Если, конечно, Шайтан наигрался.

Янбике налила в цветастые чашки молока, а поверх молока крепкую черную заварку и подвинула чашку с блюдцем Наиле. Та громко отхлебнула горячий чай: «Ц-ца!»

— Зачем же тебе пульт, дочка? У нас же телевизор показывает только серую рябь.

— Серую рябь я и хотела посмотреть, — с жаром согласилась Наилия. — Зачем же нам телевизор, если хоть иногда его не смотреть.

Когда Наилия вернулась к телевизору, пульт и правда лежал там, где ему и положено.

— Спасибо, Шайтан, — прошептала она.

Нажала красную кнопку на пульте — включилась та самая рябь. Наилия завернулась в шаль. Янбике села рядом, и они стали смотреть. Долго и непрерывно вглядывались в рябь, пока там не появились два батыра — Урал и Шульген.

Шульген уговаривает Урала нарушить запрет отца, Урал отказывается, и Шульген пьет кровь один. Его алое сердце заливается черной липкой кровью — кровью непослушания.

Наилия испугалась, выключила телевизор.

— Янбике! Расскажи сама про Шульгена и Урала!

— Почему же не рассказать, — согласилась Янбике. — Слушай.

Глава 2

Дорогой птиц за живой водой

— Когда-то давным-давно землю, на которой мы теперь живем, окружало море. Ни дивы, ни люди, ни боги не знали об этой земле. А жили здесь Янбирде, его жена и два их сына — Урал и Шульген.

Арслан их возил на охоту.

Сокол бил для них птицу.

Щука рыбу ловила.

Вокруг пещеры, в которой жили, они расставляли силки.

Но когда встречался Янбирде хищный зверь, то он нападал на него, побеждал и выпивал кровь зверя. А щасть оставлял про запас. Так Янбирде забирал у хищного зверя его силу и сам становился хищником.

Шульген и Урал щасто видели, как отец пьет кровь из ракушки, и тоже хотели попробовать. Но Янбирде сказал, што можно пить кровь только того зверя, которого ты убил сам.

Шульген не поверил отцу, он думал, што отец боится, как бы сын не стал сильнее его. И решил выпить кровь тайком, а штобы Урал не рассказал обо всем отцу, Шульген уговаривал и его испить крови: «Отец

просто боится, што мы станем сильнее, щем он. Давай выпьем, Урал?»

Но Урал не послушался — не притронулся к крови...

Как только Шульген испил запретного напитка, отцу сделалось плохо на охоте, и медведь разорвал Янбирде бок. Жизнь вытекала из отца и так бы и вытекла вся, если бы не верный Арслан. Он сразился с медведем и принес раненого Янбирде домой.

Его жена приложила траву на рану, напоила отваром и собралась готовить еду сыновьям. Но в тот день не было у них дищи. «Сыновья мои, пойдите и проверьте силки, вдруг там наш ужин», — сказала она.

Урал и Шульген обошли гору и нашли белую Лебедь, угодившую в ловушку.

«Не убивайте меня, джигиты!¹ Ваш отец ранен, его может спасти живая вода. Отпустите меня, и я скажу, где ее искать». — «Она врет!» — закричал Шульген, он хотел свернуть шею птице.

Но Урал загородил собой птицу Лебедь. Братья подрались. Урал победил Шульгена и отпустил птицу.

Несмотря на большое крыло, она все же взлетела.

«Нужно идти дорогой птиц!» — крикнула Лебедь, скрываясь за верхушками деревьев.

Семья осталась без ужина, но Урал рассказал отцу про живую воду, и на следующее утро Янбирде отправил сыновей на ее поиски. Он выдрал из гривы верного Арслана шесть волосков, три отдал Уралу, а три Шульгену.

«Кому из вас первому понадобится помощь, тот сожжет три этих волоска, и Арслан прилетит к нему!»

¹ Парень (*башк.*).

Янбике замолчала.

— Они принесли ему когда-нибудь живой воды? — спросила Наиля.

— Нет, дочка. Не принесли. Он умер.

— Почему же ты раньше не говорила, что он умер?

— Так ты не спрашивала. — Янбике вытерла слезу со щеки.

— Что же было дальше?

— А дальше то самое место, где они жили, поцеловал Эрлик¹, Шайтан по-местному. Он очень любит, когда дети не слушаются родителей, любит, когда врут. В таком месте хорошо полущается временная петля — Тамук². Пойдем, дочка, скотину встретим. Слышишь? Стадо идет!

Сытые коровы в золотом облаке мошек и пыли шли по улице, каждая в свой двор. А уставшие пастухи плелись в хвосте, изредка щелкая кнутами, чтобы бараны не бежали обратно в поле.

Янбике распахнула ворота, пропуская корову с бычком. А Наиля прислонила к одной из створок, чтобы та не закрывалась, и по привычке погладила золотого лебедя по изогнутой шее.

— Ах! — вырвалось у нее. — Лебеди побелели, Янбике! Перекрасил кто?

— Што же это? — Янбике, забыв о скотине, удивленно разглядывала лебедей. Из золотого в них остались только короны.

Она вышла за калитку. Что-то казалось ей странным.

— У всех лебеди! — вскрикнула Наиля.

¹ Эрлик — в тюркской и монгольской мифологии владыка подземного мира, высший правитель царства мертвых. Здесь: олицетворение зла — дьявол, черт.

² Тамук (Тамук) — ад, преисподняя (*башк.*).

И в самом деле: на воротах дома напротив проступили белые лебеди. И в другом доме, что левее. И у того, что с ажурными ставнями. Все ворота стали одинаковыми: голубые с белыми лебедями...

— Это все Шайтан, пойдем в дом, балам¹, — вздохнула Янбике и заперла калитку.

Глава 3

Ходила по ягоды – женихов набрала

Наиля лежала под одеялом. Робкое раннее солнце заглядывало в комнату и щекотало веки. Просыпаться не хотелось.

Янбике хлопотала у печи, и Наиля слышала запах сдобы. Мимо кровати прошла бесей с мышью в зубах. Важная и невозмутимая кошка без имени. Она несла свою ежедневную мзду Янбике на кухню. На улице кто-то крикнул так громко, что звякнули стекла в оконной раме:

— Хозяева! Хозяева!

До Наиля донесся встревоженный голос Янбике:

— Кого еще там Шайтан принес?

Входная дверь скрипнула и захлопнулась. Сон слетел, словно ветром подхваченный лист. Наиля вскочила с кровати и прижалась к окну. Янбике тяжелой поступью шла к калитке, а у забора продолжали настойчиво кричать:

— Хозяева!

Наиля накинула шаль поверх ночной сорочки и выбежала во двор.

¹ Бала́м — дитя мое (*башк.*).

— У вас проживают дети дошкольного возраста, — сообщили снаружи, как только засов начал отодвигаться.

Калитка распахнулась, и Наиля увидела молодого парня в зеленой тюбетейке. Парень выпустил из рта пар и посмотрел за спину Янбике, туда, где стояла Наиля.

— Как звать? — спросил он, снова выпуская пар — теперь из носа.

Наиля подошла ближе. Ей хотелось понять, откуда пар в конце августа, но Янбике жестом остановила ее. Хотя Наиля не дошла до посетителя, она почувствовала едкий запах. От него щипало глаза и было больно дышать. Боль хватала за горло и оседала в животе. Живот сжимался в комок.

— Это зачем? — спросила Янбике, шурясь.

— Мы ее в школу записываем. Ездить надо будет в Большой Тамук. — Парень мрачно перевел взгляд с Наили на тетрадь в руках.

Наиля вжалась в забор.

— Так положено! — добавил он безразлично.

Янбике кивнула, назвала имя Наили. Парень не спеша записал его в тетради и поставил галочку напротив. Эта галочка словно давала ему право взглянуть на Наилю по-новому. По-хозяйски.

— Наиля идет в школу через четыре дня! Около того дома, — парень указал ручкой на дом с ажурными ставнями наискосок от дома Янбике, — в восемь утра ее будет ждать автобус.

Сделав, что должен, парень потерял к Янбике и Наиле всякий интерес. Он развернулся и направился на другую сторону улицы.

— Эй! Хозяева! Хозяева!

Янбике захлопнула калитку, но не отошла. К парню, выпускающему клубы пара, выбежал мальчик.

— Как звать? — спросили его.

— Закир, — ответил тот.

— Недавно прибыл. Хорошо. Через четыре дня в школу.

Янбике повернулась к Наиле.

— Ущёба — это неплохо, — сказала она, беря ее за руку. — Пойдем пить катык.

— Что за пар такой едкий? — спросила Наиля.

Янбике молчала, а уже у самой двери погладила Наилю по голове и сказала:

— Привыкай.

Дома она налила Наиле катыка и подала деревянную ложку:

— Ешь, балам.

На улице кто-то заиграл на гармонии, сначала тихо, а потом все громче и заливистей.

— Что это? — встрепелась Наиля.

Янбике прислушалась, распахнула окно на кухне, выглянула.

— Сегодня же у Хабибуллиных дочка замуж выходит! Точно. Дочку-то я с маленького знаю, а вот сын пришлый, ох, шуструю, не к добру...

Наиля тоже подошла к окну, но в узкий проем вдвоем с Янбике не протиснуться, и Наиля почтительно ждала, когда окно освободится. Однако Янбике, насмотревшись, окно закрыла.

— Нешего там смотреть, дочка.

— А как это — замуж выходить? — спросила Наиля, с тоской глянув на окно и возвращаясь к столу.

— Это как масло сливочное встречается с вареной крупой, и больше нет ни крупы, ни масла, а есть вкусная рассыпчатая каша.

Янбике отвернулась к печи, чтобы положить в кастрюлю с кипящим бульоном лук.

— А что дальше, Янбике?

— А дальше туй¹.

— Так у них там туй, — догадалась Наиля.

Янбике цыкнула, то ли из-за обжигающих жирных капель бульона, что брызнули из кастрюли, то ли от чего-то другого.

В Малом Тамуке было непривычно суетно и шумно. Наиля ходила по саду вдоль кустов смородины и заглядывала в щели между штакетинами, чтобы получше рассмотреть двор Хабибуллиных. Там настезь распахнули ворота, расставили столы, покрыли их белыми скатертями. У входа сидел старик и играл на гармонии. Из дома к столам бегали женщины в платках. Выносили золотистые конусы баурхака², кувшины с каким-то питьем, каравай, вазочки с медом. Наконец, вынесли тазы с вареным мясом, рассыпчатой картошкой и капустой.

Вдалеке что-то зашумело. Через всю деревню к нарядному двору ехала рыжая машина, поднимая пыль с дороги. Когда она подъехала ближе, Наиля разглядела на бампере рисунок большого крылатого льва.

¹ Туй — народное гулянье, здесь: свадьба (*башк.*).

² Бауырһаҡ (баурһаҡ) — различной формы кусочки теста, приготовленные в кипящем масле. Праздничная и ритуальная пища (*башк.*).

Машина остановилась около старика, что играл на гармонии, и музыка умолкла.

Дверь открылась, оттуда выбрался человек. Голова обмотана белым тюрбаном. До пояса свешивается седая борода. Длинный белый халат туго запахнут на талии, так что было хорошо видно, как худ этот человек. Желтые скулы, словно из воска вырезанные, беспрестанно шевелились. Он что-то жевал, хотя никакой еды в рот не клал. Из дома выбежал сам хозяин:

— Хаумыхегез, эфенди!¹

Он поклонился мулле², протягивая обе руки для приветствия. Мулла эфенди ответил рукопожатием, и вместе они вошли во двор.

А машина захлопнула дверцу и, так же поднимая пыль, поехала дальше, в самый конец деревни, где виднелся хлев. Там машина исчезла из виду.

Появилась невеста. На смуглом лице ее едва проступал румянец, под черными густыми бровями — жгучие глаза. Смотрит с вызовом на подружек и на парней. Подружки в ответ дарят ей восхищенные взгляды. А парни смотрят по-разному: кто-то маслено улыбался и подмигивал одним глазом, кто-то виновато разводил руками. Губы невесты цвета спелой вишни припухли немного от недавнего поцелуя с женихом. Упругая пышная грудь обтянута белым шелковым платьем. Сквозь тонкую ткань видно, как она вздымается от взволнованного дыхания.

¹ Хаумыһығыз, эфэнди! (хаумыхегез эфэнди) — здравствуйте, господин! (*башк.*)

² Мулла — служитель религиозного культа у мусульман (*араб.*).

Наиля осмелела и залезла на забор, чтобы удобнее было смотреть на туй. Невеста мельком посмотрела в ее сторону, и их с Наилёй взгляды встретились. Невеста вскрикнула:

— Уб́ыр!¹

Хабибуллин тоже увидел Наилю и, подозревая к себе мальчишку, крикнул:

— Закир! Прогони-ка девку, сглазит.

Наиле совсем не хотелось, чтобы ее прогоняли, она торопилась уйти сама, но платье зацепилось за гвоздь в штакетине, и, пока она пыталась освободиться, мальчик подбежал ближе.

— Эй, — крикнул он, — тебе нельзя смотреть на никаќх!² Это плохая примета, когда убыр смотрит!

И для большей убедительности швырнул в Наилю камень. Тот угодил в колено. Больно до слез. Так и не освободив подола, Наиля спрыгнула в свой огород. Платье с треском порвалось. Закир замер, глядя на опустевший забор. А потом словно вспомнил что-то или почти вспомнил и снова закричал:

— Эй! Эй, ты живая там? Тебя же Наиля звать? Или Неля?

Наиля обиженно сопела за забором, ей больше не хотелось смотреть на туй.

— Ладно тебе, не дуйся, у меня просто сестра замуж выходит, никах у них, вон и мулла приехал из Среднего Тамука. А тебе нельзя смотреть, вы с твоей бабкой ведьмы.

Наиля еще немного посопела. Откуда-то шел запах гнили, и Наиля подумала, что у них в саду весной умер

суслик, и все лежит мертвый где-то под деревом. Мальчик не уходил, и тогда Наиля спросила его:

— А почему она решила пойти замуж?

Теперь засопел мальчик за забором. Наиля решила, он не хочет с ней говорить, однако тот ответил тихо, словно сомневался, стоит ли:

— Ну, как это «почему»? Ходила по ягоды, женихов набрала, я с ее платья всех повыбрал, а один, видно, остался.

— Как это «женихов набрала»? Их что, как ягоды в поле собирают?

— Да нет же, женихи — это репы. Примета такая: если к тебе репей пристал, значит, скоро у тебя жених появится.

— А сколько женихов у твоей сестры? — удивилась Наиля.

— Так... один. Репьев-то много может быть, а женихов много для чего? Все равно только на одном можно жениться.

— Ага, — согласилась Наиля.

— Ну, мне пора. А ты не смотри пока, ладно? Вечером, если хочешь, посмотри. Все напьются аракы́¹ и будут драться! Это куда веселее смотреть.

И мальчик убежал к себе. Снова зазвучала мелодия, но это была не гармонь, это пел мулла.

¹ Ведьма, оборотень, колдунья (*башк.*).

² Бракосочетание (*араб.*).

¹ Водка (*тат.*).